О русском народе и русской интеллигенции

Мысли по поводу статьи М. Кантора «Общее дело»

Статья Кантора мне представляется очень важной, потому что, во-первых, она о России, а во-вторых, в целом совпадает с представлениями о стране, о нашем обществе, которые я разделяю. Да и вообще, проблематика статьи связана с вопросами моего личного мировоззренческого самоопределения.

Последние несколько лет фокус моего интереса смещался от рассмотрения глобальных идей и вечных мировых социокультурных конфликтов к осмыслению судьбы нашей страны, к попытке понять ее специфику. Кантор попадает «в яблочко», когда подмечает, что русские люди обретают как собственную внутреннюю цельность так и единство общей «социальной ткани» в какие-то критические, тревожные, напряженные моменты своей истории. Представляется, что так сложилось исторически, потому что многие века климат страны, ее природные условия и рельеф постоянно такую ситуацию воспроизводили. Нужно было сохранять внутреннюю цельность и объединяться с себе подобными, чтобы просто выжить. В этом и заключалась цель, миссия русской нации/русского народа и никакие с усилием задаваемые «сверху» концепты вроде «Москва – третий Рим» или «Православие. Самодержавие. Народность» и близко не могут претендовать на таковую. Почему советская идея была гораздо ближе, «личностнее» воспринята русскими? Потому что она предлагала, среди прочего, технологическим способом (русский большевизм естественным образом опирался на технократические идеи, рационализацию, говорил о научном переустройстве общества) окончательное решение проблемы выживания – для всего народа («по справедливости»), а не какой-то отдельной ее привилегированной части (что в Российской империи, конечно, проблемой не являлось). Проблема (голода и, особенно, холода) в целом действительно была решена. И вот в этот-то исторический момент (кризис советской марксистско-ленинской идеи, перестройка и распад СССР) и возникла ситуация «расслабнякА», утраты своей цельности, растворения смысла бытия, масштабного ослабления социальных связей и русский человек встал перед распутьем. Перед необходимостью как бы найти, поставить перед собой новый смысл существования.

В чем заключена культурно-историческая специфика патриотизма русских? В достаточно высокой степени его абстрактности. Когда индивидуальное выживание настолько не гарантировано природно-климатическими условиями, человек должен найти «сверхценность» - а иначе, во имя чего собственно жить, ценить свою жизнь, если умереть можно практически в любой момент? Жить можно ради семьи, ради своей малой родины, ради веры, ради своей такой близкой и родной культуры и уклада (родной просто уже потому, что предки – «родители» так жили). Отсюда, например, такие поражающие иностранцев (в том числе, противников) стойкость и жертвенность на войне. И вот именно поэтому, как пишет Кантор, «историческая судьба у русских людей есть, а вот собственной судьбы нет». И по этой же причине не соглашусь с Кантором, что русские - это «народ, который творит историю от тоски – как пьет водку».

Интеллигенция

Еще один очень важный вопрос, который Кантор рассматривает – роль интеллигенции в русской общественной жизни. Тяжела жизнь русского человека: была, есть и видимо, еще долго будет. Кто-то утешается, употребляя ту самую водку, кто-то ищет себя в вере. Но возникают среди народа, из его среды те, кто мыслит, кто думами своими идет вперед, кто рисует утопию, создает (для себе подобных!) духовные и нравственные ориентиры, нормы,

идеалы. **[«Скрепами» их может делать только власть, которая на эти вещи смотрит предельно утилитарно].**

Я, конечно же, веду речь о русской интеллигенции. Появилась она из народа (по происхождению своему интеллигенты – это дети мещан, духовных лиц, т.е. «разночинцы»), либо из представителей привилегированных сословий (дворянство), но удивительным образом сохраняла живую связь, интерес, сострадание, любовь к народу. Совокупность этого и есть то, что Кантор именует общим словом «экзистенциализм». И эти люди в XIX веке, переложив свой «экзистенциализм» на бумагу, создали нашу русскую национальную литературу – то, что сегодня по праву признается во всем мире, как уникальная часть наследия всего человечества.

Возникало у меня некоторое время назад в мыслях предположение, что для русского народа как такового характерно некое мессианство. Присмотрелся: да нет, это для интеллигенции нашей важно – находить смысл в специфике повседневной жизни народа и превращать его в национальную миссию (сходно с классической функцией идеологов). Характерно для интеллигенции осознание и собственной миссии, долга, моральных обязательств по отношению к своему народу.

Но самая важная, пожалуй, черта интеллигенции, отмеченная и Кантором – способность нравственно сопереживать «униженным и оскорбленным» (чувство моральной сопричастности). В этом, в наиболее явном виде отражена связь интеллигенции с народом. Если таковой черты не наблюдается – об интеллигенции говорить нельзя. Можно – о «профессиях умственного труда», интеллектуалах.

Интеллигенции как своего рода сословию в XIX-XX вв. приходилось, наверное, столь же тяжело, сколь и ее народу. С одной стороны мы видим народ, который далеко не всегда ее понимал (особенно в XIX веке - вспомним «хождения в народ» народников и др. интеллигентов. Впрочем, в веке XX, с ростом образовательного уровня людей, их приобщением к высокой культуре интеллигенция значительно выросла численно и закономерно стала пользоваться морально-нравственным авторитетом. Нужно было обладать высокой степенью самоотречения, самопожертвования *(вспоминаем эти черты русского человека)*, чтобы несмотря ни на что, трудиться для него, во имя его, умирая порой так и не понятыми.

С другой стороны, власть, «элита» которая видела в интеллигенции в лучшем случае, профессионалов, которые были необходимы для решения определенных функциональных задач **[«духовные скрепы»]** по контролю за образовательным и культурным уровнем, а также настроением народа, а в худшем – потенциальных смутьянов, непредсказуемых и почти однозначно нелояльных. Так было и в дореволюционную эпоху, и, в очень значительной степени, в советскую. Кстати, в 1930-е годы Сталин и его сторонники сочли удобным для себя не только репрессиями «проредить» интеллигенцию, но и «разбавить» оставшихся той частью работающих, которая не относилась к работникам физического труда. В интеллигенцию записали советских и партийных служащих, а сама социальная группа стала определяться сугубо функционально: «работники умственного труда».

И, тем не менее, в сталинское и послесталинское время интеллигенция в России не погибла, продолжая нести свою миссию в условиях «оттепели», «застоя» и т.п.

Ситуация стала меняться в перестройку, когда, на мой взгляд, произошло предательство интеллигенцией (не каждого представителя ее, но большинства) своего народа и, в конечном счете себя, как его части. Социальный статус этого социального слоя ощутимо

упал: в позднесоветское время интеллигенты – это властители дум, уважаемые моральные авторитеты, сегодня – «коммерсанты» и «ремесленники» от умственного труда.

Дело в том, что, на мой взгляд, каждый интеллигент, а, в конечном счете – интеллигенция постоянно находится в ситуации выбора – служить ли «проводником» интересов элиты в народ или представлять народ перед властью. Дихотомия, на мой взгляд, по своей сути достаточно жесткая и напоминает эпизод, описанный в документальной книге американского левого журналистам Дина Рида, посвященной Октябрьской революции («Десять дней, которые потрясли мир»). В нем полуграмотный солдат-большевик на встрече с умеренным социалистом, убеждающим пойти на компромисс с либеральными силами твердил одно: *«Есть только два класса — пролетариат и буржуазия,* ***и тот, кто не за один класс, тот, значит, за другой».***

На мой взгляд, не стоит трактовать подобный тезис как однозначный раздел на крайности: «черное» и «белое». Речь, скорее, идет о полюсах; нам понятно к каким тяготеет «темно-серый» и «светло-бежевый». Важна тут и формулировка *«тот,* ***значит****, за другой»*: *«за другой»*, в пользу другой силы можно выступать не только *не целенаправленно*, но даже и *неосознанно* – т.е. «в конечном счете». Значительная часть интеллигенции выступила против своего народа и против себя именно неосознанно. Но сделав это, она трансформировалась из интеллигенции в интеллектуалов, в тех самых «работников умственного труда». Разрыв возник не в одночасье: связи советской интеллигенции с народом постепенно, но неуклонно истончались (в том числе и чисто социально, с формированием профессиональных династий). Предательство своего народа стало демонстрацией факта разрыва с народом, свободы от «обузы», от необходимости если не переживать за его судьбу, за судьбу тех самых «униженных и оскорбленных», то хотя бы это демонстрировать.

Почему я говорю именно о предательстве интеллигенции и что именно я имею в виду? Понятно, что в эпоху «перестройки» имело место демифологизация сталинского и в целом советского периода, вскрытия изъянов и пороков системы. В этом деле интеллигенция последовательно выполняла свою социальную миссию и, в целом, если не касаться момента перегибов, действовала правильно. Но, подвергнув критике систему, она не смогла предложить ничего большего, чем… «вернуться на столбовую дорогу цивилизации», скопировав западные экономические, политические и культурные образцы. Кантор описывает это движение мысли так: *«С годами бородинские баталии интеллигенцию манить перестали: вдруг сделалось понятно, что битву с французской цивилизацией, возможно, стоило бы и проиграть – в конце концов борьба с цивилизацией до хорошего не доведет: победить-то мы победили – а как бедно живем!»*

Культурно-исторический опыт *выживания* русских как народа, противоположный западному опыту был совершенно сброшен со счетов. И я не думаю, что моральные авторитеты (еще) советского общества искренне думали, что игнорирование этого культурно-исторического опыта способно привести к позитивному итогу. Невозможно также поверить, что самые образованные, культурные люди страны не могли представлять себе, к чему приведет фактическая реставрация капитализма в большой, холодной, относительно малонаселенной стране, хозяйственные связи которой с другими частями тогда еще единой страны – СССР имеют решающее значение. Не думаю, что в тот момент невозможно было себе представить ту социальную цену, которую заплатила страна и народ, поверив своей интеллигенции (локальные войны, рост преступности, обнищание масс, расхищение собственности, созданной неимоверными трудами поколений и разрушение промышленности, деградация образования и культурное одичание (особенно на

периферии), деградация медицины, социальной сферы, падение нравственности, рост социальной аномии и т.д). Не думаю также, что можно говорить о какой-то исторической «ошибке» нашей перестроечной и постперестроечной интеллигенции. Несколько раз большинство ее представителей имело возможность отречься от своего выбора (1993, 1996, 2000 г.). Но этот путь выбрали, увы, относительно немногие. А кое-кто даже наоборот, на старости лет «перестроился» и превратился из обличителя действий постсоветской власти, в ее верную опору, как Станислав Говорухин.

Однако предательство всегда «вознаграждается» по заслугам. В постсоветской России сегодня интеллигенции нет, хотя, интеллектуалы имеются. Это не просто работники умственного труда, а даже, я бы сказал *без особой иронии,* реальные профессионалы оного.

Постсоветские интеллектуалы

В постсоветской России обращает на себя внимание, что не только в литературе, но и в гражданской позиции подавляющего большинства современных российских интеллектуалов чувствуется своего рода пустота. И вовсе не в том дело, что «ну был экзистенциализм, а сейчас постмодернизм поинтересней будет». Все дело в том, что они не руководствуются исторически выработанным этосом интеллигенции (а особенно, хотя не исключительно, русской интеллигенции) – служить народу. По своему этосу – они, скорее классические, типичные мещане. В гражданской позиции своей они взывают к власть предержащим, к элите. В литературе – к таким же как они. Формально они способствуют созданию корпорации лиц интеллектуального труда и выступают от имени ее во имя ее привилегий. Реально же речь идет о предложении своих услуг власти, по укрощению народа, путем создания соответствующих «смыслов», т.е. дискурсов, в том числе и тех, что искусственно разделяют людей.

Но власть не спешит давать привилегии корпорации интеллектуалов по очень прозаической причине. Наши интеллектуалы – вовсе не вожди народа, и даже (давно уже) не его авторитеты. ***Кто не за один класс – тот, значит, за другой.*** В своем стремлении превратиться в «наемников» элиты они утратили связь с народом и почти всякое влияние на него. Они служат или пытаются служить элите. А там где нет служения народу – там нет гуманности, нет человечности, нет идеализма – то, на чем как на черноземе вырастают духовные ценности общества. Говоря метафорично, интеллектуалы – верхушка интеллигенции, от имени которой они выступают в целом, променяли свое первородство за гарантированную ежедневную похлебку. «Забыв», что «поэт в России больше, чем поэт», а не такая же профессия (или в этом контексте правильнее сказать, ремесло), как юрист, финансист или риэлтор. Поэтому в деле производства духовных ценностей (т.е. того, что народ, массы людей считают духовно ценным) они бесплодны. А может, правильнее сказать, мертвы.

Что делать?

Очень хочется надеяться, что придет время – и из народа вырастет новая интеллигенция, которая снова из критики реалий нашей повседневности создаст утопию, смысл существования русского человека и русского народа. И мне кажется, что процесс идет, особенно в российских регионах. Вот как бы ему поспособствовать?

Евгений Рыжененков, июнь 2014